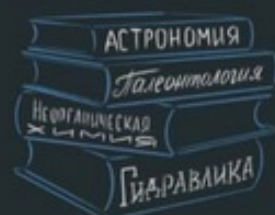

Урина Козлова

ПЛЕМЯ ДРАКОНА

Часть 2

$$\vec{L} = \sum_{i=1}^n \vec{L}_i = \sum_{i=1}^n [\vec{r}_i, \vec{p}_i] \quad \vec{L} = J\vec{\omega}$$
$$L_i = m_i \omega r_i^2 = J_i \omega \quad L = m \omega r^2 = J \omega$$
$$L_z = L = \sum_{i=1}^n L_i = \omega \sum_{i=1}^n J_i = J \omega$$

Созвездие
Дракона

KClO ₃	46,5 %	P	30,8 %
K ₂ Cr ₂ O ₇	1,5 %	Sb ₂ S ₃	44,8 %
S	4,2 %	Fe ₂ O ₃	12,8 %
Pb ₃ O ₄	15,3 %	CaCO ₃	2,6 %
ZnO	3,8 %	ZnO	1,5 %

КНИЖКИ
ФИЛИАЛЫ
МЕДЫ

ВЕТКИ
КОМПАНИОНОВ

Ирина Козлова

Племя дракона

«Издательские решения»

Козлова И.

Племя дракона / И. Козлова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-690376-0

Юная ведьма Надёжа сама не понимает, как ее угораздило попасть в отряд охотников за драконьим зубом. Она ведь даже не верит в драконов! Но если их не существует, кто тогда похитил царевну, оставив обломок зуба и следы когтей на камнях? Что на самом деле прячет в своем сундуке девчонка-кухарка? И какую мрачную тайну хранят странные домики на деревьях посреди леса? Надёжа знает, что должна найти ответы. Вторая часть романа «Пламя и племя дракона»

ISBN 978-5-00-690376-0

© Козлова И.

© Издательские решения

Племя дракона

Ирина Козлова

Дизайнер обложки Екатерина Александровна Мамаева

Иллюстратор Екатерина Александровна Мамаева

© Ирина Козлова, 2026

© Екатерина Александровна Мамаева, дизайн обложки, 2026

© Екатерина Александровна Мамаева, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-0376-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Див свалил ветки в траву и вытер пот со лба. Поляна была небольшой, но светлой. Солнце висело прямо над головой. Неужели полдень?

– Я сейчас чуть ногу не сломал в буреломе! А крапива тут вообще зверская – думал, в улей свалился! Долго нам еще через лес ломиться? Есть же нормальная дорога!

– Мы сбежали от работаровца! И он скажет покупателям, когда те приедут, – уперла руки в бока Надёжа. – В Квёте мы с Чижиком уже бывали. Больше меня в это селенье ни по дороге, ни через лес не заманишь. Мы разгромили Ямки и пожар устроили. Все, кому интересно, наверняка заметили дым. Мы разозлили опасных людей, и они захотят отыгаться, – она выразительно покосилась на Рада.

Див повернул голову и заметил, что Сластёна, нарезавшая какие-то стебли, подняла вдруг руку с ножом и замерла без движения.

– Мы не хотим привлекать внимание и потому идем не по дороге, а через лес, – подытожила ведьма.

Она замолчала, и в наступившей тишине все отчетливо расслышали шорох.

Див пригнулся. Шорох из ближайших кустов повторился. Воображение Дива, растревоженное речью ведьмы, услужливо подкинуло парочку идей о том, кто может там таиться. Он перестал дышать.

Шорох, на сей раз особенно громкий, раздался в третий раз. Сластёна, стоявшая ближе всех к злосчастным кустам, взвизгнула и, нелепо всплеснув руками, отскочила назад. Нож выскользнул из ее ладони и скрылся в листве.

Из кустов не донеслось ни звука.

– Эй, ты чего? – нервно рассмеялась Надёжа.

– Сластя, ты осторожней как-то, – по-доброму пожурил Рад, – если всякий раз будешь ножами кидаться, то поранишься ненароком.

Кухарка в смущении пожала пухлыми плечами.

Разозлившись на себя за недавний страх, Див огляделся в надежде, что его никто не заметил. Он утешился тем, что Сластёна испугалась еще больше. Но она – девчонка, а потому утешение вышло так себе.

– Тут никого нет, – нарочито веселым голосом сообщил он, заглянув в кусты.

– Получше поищи, может, парочка разбойников найдется, – посоветовал Рад.

– Да кто-то же там шуршал, – Сластёна вытянула шею, но подходить не спешила.

Лицо Дива вдруг вытянулось от изумления. Он протянул руку и осторожно взял за уши кролика, из которого торчала знакомая рукоять ножа.

Чиж подбежал ближе. Рад присвистнул.

– Ну, всё в порядке, это вроде не Доля, – успокоила Надёжа, глянув на кролика. Див нервно хихикнул и чуть не выронил зверька.

– Точно не он? – придирчиво нахмурился Рад. – Нос вроде похож.

– И в самом деле похож, – заявила молчавшая до этой минуты Сластёна и залилась звонким смехом.

Чиж глянул на нее, потом на кролика и тоже рассмеялся. Вскоре вся компания ухачатывалась, держась за животы и тыча друг в друга пальцами.

– Нос... похож... – хрюкая и размазывая по щекам слезы, повторял Див и не мог остановиться.

– Уф-ф, это нервное, – кое-как отсмеялась Надёжа. – Надо сварить зелье спокойной мудрости.

– А давайте мы этого кролика... съедим! – предложил Див.

Все энергично закивали. Сластёна, глядя на них, разулыбалась словно бабушка, благовословленная оравой голодных внуков.

Див гордо сложил руки на груди. Здорово он придумал.

Надёжа пыталась выстругать колесо. Она ковыряла ножом какую-то деревяшку, стараясь не отвлекаться на аромат из котла, в котором тушился кролик с ревенем. Нож в который раз соскользнул, и она торопливо сунула палец в рот.

– Порезалась? – обернулась кухарка. – Брось, не мучайся.

Надёжа упрямо покачала головой и продолжила корпеть над колесиком. Она задумала его в подарок Сластёне, не в силах смотреть, как та надрывается с сундуком. Если к крышке приделать ручку, а к днищу – крепкую ось с колесом, получится удобная тележка. Конечно, две оси и четыре колеса лучше подошли бы, однако Надёжа реально оценивала свой талант резчицы по дереву.

– А нам обязательно это пить? – Див вздрогнул от первого глотка.

Сластёна кивнула, присоединяясь к вопросу.

Зелье спокойной мудрости без меда, сахара или варенья спокойно пить могли лишь те, кто давно в этом практиковался. Отвар был горький, как... ну да, как зелье спокойной мудрости.

– Тебе-то уж точно, – заверила ведьма Сластёну, вспомнив ее судорожное махание руками. – И всем не повредит.

Див обреченно уткнулся носом в кружку.

Кухарка вплотную придвинулась к Надёже и наклонилась к уху.

– Я в жизни не пила колдовских снадобий. Никогда, – прошептала она и. – Я точно не превращусь в лягушку? А то Див говорил...

– Точно! – перебила Надёжа.

– Значит, это правда, зелье спокойной мудрости?

Надёжа уронила руки на колени.

– Нет. Оно просто так называется. Это зелье спокойствия. Обрести мудрость несколько сложнее.

Сластёна залпом выпила кружку и пошла к костру. Пока кухарка доставала кролика из котла и раскладывала кусочки по мискам, Див сообщил, что вспомнил одну легенду.

– Неужели? – мгновенно отреагировала Надёжа. – В самом деле, полдня прошло и ни слова о драконах.

– Там не про драконов, – отмахнулся мальчишка и поднял палец вверх, – а про летающие ножи!

– Как это? – вскинулся Чиж, едва не расплескав полмиски.

Рад с интересом наклонился вперед. Довольный завоеванным вниманием, Див набил полный рот крольчатины и промышчал что-то одобрительное.

– Есть поверье о ножах возмездия. Я его вспомнил сегодня, когда Сластя в кролика случайно угодила. Ножи возмездия – тонкие и легкие, из сияющей темной стали и с рукояткой из черного дерева. Никто не знает, когда, на кого и за что обрушился первый такой нож. Да только по сей день они порой берутся из ниоткуда, из ярости духов и летят, готовые повергнуть злодеев и свершить возмездие. Тому, кто клеветал и злословил, нож вонзается в горло, – вытаращил глаза Див. – Тому, кто был жесток и бесчеловечен, нож возмездия вспарывает сердце, – выдохнул он, хватаясь за сердце. – Тому же, кто творил много зла, но сохранил крупинку добра, нож пронзает руку. Такой человек должен уйти в лес и жить отшельником, пока не исправится.

Див прервал рассказ, недовольно щурясь от яркого солнца. Дотерпи он до ночи и выдай всё это при свете звезд, эффект был бы куда драматичнее.

– До конца дней хранит бедолага память о ноже возмездия! С клинком из темной стали, с рукояткой из черного дерева...

– Да-да, мы помним, – покивала с набитым ртом Надёжа.

– ...на которой нарисовано крылышко, – скомкано закончил Див, недовольно оглядев безмятежно жующую компанию.

– Перышко, – не к месту ляпнула Сластёна.

– Чего?

– Перышко лука бы сюда, – глядя в миску, она критически покачала головой.

Див фыркнул.

– Я такое рассказываю, а вам хоть бы что! Представьте большой, каменный город, площадь, а на ней палач. Поднял он топор, чтоб невинному башку оттяпать. Народ застыл. А тут вдруг нож откуда ни возьмись! И прямо бац! – Див схватился за горло и высунул язык.

– А кролик-то этот, выходит, не был таким уж невинным симпатягой, раз в него ножом прилетело, – Надёжа задумчиво обсосала косточку. – Много грешил пушистик, вот и получил!

– Можешь быть серьезной иногда? – надулся Див.

– Ах так, – наклонилась вперед ведьма, отставив пустую миску в сторону. – Если серьезно, это самая дурацкая и вредная легенда из всех, что я слышала. Поверив в нее, люди поверят в справедливость, которая берется из ниоткуда и творится сама собой. Вместо того, чтоб противостоять злу и бороться, они станут ждать, когда справедливость сама придет в их жизнь. Станут ждать, – с нажимом повторила она, – ничего при этом не делая. Злодеи продолжают грабить, убивать и торговать людьми, а волшебный нож... он так и не появится.

– Может, появится? – опешил от такой речи Див. – Может, иногда, изредка такое случается. Вдруг, это правда?

– Неправда.

Надёжа отвернулась.

Гордей закончил рассказ и откинулся на спинку стула. На игровом столе тихо потрескивала свеча. В ее неровном свете лицо Вьюна дрожало и дергалось. Тот молчал, переваривая услышанное. Гордей ухмыльнулся. Кроме них в «Удочке» никого не было. Завтра побег, послезавтра – прибытие послов Гильдии. Другого сообщника он так и не нашел, а задурить голову Вьюну посулами и угрозами не смог. Пришлось, «выложить пирамидки».

– Всё это не слишком... самонадеянно? – нарушил наконец молчание Вьюн. – Выманить из башни царевну, прятать где-то в глуши и с триумфом вернуть – сложный план. А ты еще дракона приплел...

Гордей усмехнулся. Он видел, что Вьюн набивает цену, наживку он уже проглотил.

– Помнишь Змея-горыныча? – поинтересовался Гордей.

– Эта история случилась так давно, – покачал головой Выюн, – что неизвестно, случалась ли вообще.

Гордей расхохотался.

– Только ты, безнравственный шулер с прогнившей душой, мог такое выдать, – восхитился он, откидывая с лица упавший локон. – Но для народа славные страницы нашей давней истории не подлежат сомнению. Запомни и пользуйся. Не благодари! – он опять рассмеялся. – В отличие от тебя, балбеса, они точно знают, что Змей-горыныч похитил прекрасную царевну Чилику. А доселе неизвестный храбрый витязь Радомир одолел чудище и спас красавицу. Потому стал ее мужем и вззошел на престол. Он основал новую династию, от которой пошли все цари Солнцеграда, включая Хтора Великого и бедолагу Енчияра. Люди свято верят в это. А что еще нужно?

– Пусть так, – признал Выюн, – но при чем тут...

– При том! Угадай, что скажет народ, когда явится смельчак, который точь-в-точь повторит легендарный подвиг героя? Да они штурмом возьмут Дворец, требуя моей свадьбы с этой девчонкой и воцарения!

– Как поведет себя князь, когда узнает, что сестра исчезла? – Выюн побарабанил пальцами по столу. – Как отреагирует Крыс? И мало ли что выкинет сама девчонка?

– Что она может выкинуть? Она из башни впервые выйдет! И окажется в лесу! Где нет ни служанок, ни стражи, но есть комары, коряги и страшные совы с большими глазами. Да она в первую ночь от страха окочурится и согласится на всё, лишь бы скорей домой вернуться.

Гордей резко встал, едва не опрокинув стул. Почему он должен кого-то убеждать?

– Мне мелочами заниматься некогда, – сказал он, давая понять, что разговор окончен. – Возьми на себя ребят из Гильдии магов и все дела по контрабанде. Не дай Крысу узнать о моих планах, – он выдохнул, успокаиваясь, и сменил гнев на милость. – Я вернусь, и моей благодарности не будет границ.

Он театрально поклонился и, не оборачиваясь, прошел к выходу.

Надёжа не ожидала выйти на след дракона в Гузице, а потому и разочарована в отличие от друзей не была. Они сидели на ступеньках крыльца и молчали. Слостёна развязала платок, куда сложила вареные яйца в дорогу, и протянула каждому по штуке.

– А мы точно туда пришли? – уточнил на всякий случай Див, счищая скорлупу.

Кухарка обернулась и подняла глаза на таблички над их головами. На самой крупной, мраморной, большими, угловатыми буквами была выбита не оставляющая сомнений надпись: «Хранилище древностей славного города Гузицы и Пуньских земель Марулы». Под ней мостились три маленькие и довольно заскорузлые деревянные таблички: «Под покровительством Гриффийского магистрата», «Под покровительством Гриффийской гильдии летописцев, историков и хронистов», «Под покровительством Гриффийского Священного трибунала». Здание было каменным, но низким, тесным и довольно обветшалым. Двор зарос лопухами и наводил на мысль, что означенное на табличках высокое покровительство неких важных государственных структур носит характер скорее формальный, чем деятельный.

Смотритель Хранилища, неприветливый дряхлый старик, манерой поведения точно соответствовал должности. Он сидел в кресле и смотрел вперед, не мигая и, казалось даже не дыша. Выглядело жутковато. От старика друзья не добились ни слова, а других людей не нашли. Они вышли на крыльцо и сели на ступеньки.

Хранилище располагалось на окраине города. На пыльной дороге здесь, как в деревне, валялись клочья соломы и бродили сонные куры. Из-за кустов смородины у забора доносились шепот и хихиканье. Порой оттуда высывалась очередная детская мордашка и снова пряталась.

Надёжа так устала, что ни о чем не могла думать. Яйцо она уже съела. В голове было легко и пусто, ноги гудели. Она нащупала что-то в кармане и достала. Лупа. Точно. Из Ямок. Предмет был явно колдовской, никто на него не претендовал, а Надёжа забрала охотно. Повертев лупу в руках, она поймала солнечный луч и направила на пучок сухой травы под ногами. Через пару минут она вспыхнула и сгорела. Надёжа сдула пепел и, прислонившись спиной к перилам, закрыла глаза.

За кустом смородины началась толкотня. Рыжий мальчишка вывалился на дорогу и, сверкая пятками, унесся прочь.

– Не стоит выказывать ведьмовство на людях, – предостерег Чиж.

– Вот сожгут тебя – будешь знать, – покивала Слостёна. – На торжественный костер, кстати, не рассчитывай: тут не столица, по-простому сожгут.

Надёжа ничего не ответила.

Открыв глаза, она уперлась взглядом в невысокую, полноватую женщину. В левой руке та держала бидон, а в правой хворостину, которой погоняла козу. Склонив голову набок, женщина стояла напротив и поглядывала на них так, словно обнаружила на ступенях корзину с маленькими мурчатками.

Надёжа сидела на полу у камина. Огонь не горел, но доверху полный лоток с углями указывал на то, что еще недавно комнату регулярно отапливали. Их провела сюда тетушка Нитта, та женщина с козой, ее она привязала у входа. Старик-смотритель не сказал на это ни слова и не повернул головы. Как пояснила тетушка Нитта, смотритель сроду не интересовался древностями, а должность получил по наследству от отца, а тот – от деда. Год назад смотрителя хватил удар. Тетушка Нитта ухаживала за стариком. С юных лет она трудилась тут поломойкой и давно мечтала всё потрогать. Прежде ей не позволяли этого, теперь же запретить было некому. Читать тетушка Нитта не умела, но с интересом разглядывала реликвии и перелистывала страницы, угадывая смысл по гравюрам.

Слостёна складно наврала про их паломничество, расспросила про местных духов, а потом так ловко перевела разговор на драконов, что тетушка Нитта даже не задала вопросов. Она с охотой провела их в одно из подсобных помещений. По стенам здесь громоздились полки с расписными горшками из глины, чучелами птиц с пуговицами вместо глаз и свернутыми в рулоны гобеленами. Бегло осмотревшись, Надёжа не заметила книг, имелось лишь несколько свитков и стопка рисунков на мятой бумаге.

С важным видом разложив их на столе, тетушка Нитта просвещала молодежь. Рад, Чиж и Слостёна вежливо слушали. Див сыпал вопросами.

Надёжа держала себя в руках.

К тому моменту, когда она начала догадываться, что не сможет проделывать это бесконечно долго, тетушка Нитта успела сообщить немало сведений.

– Кто злодеянья свои дракону припишет, тот сгинет сам от его проклятия, – вещала она.

«Паломники» узнали также, что если на дракона поставить гору, получится вулкан. Что пустынные драконы равнодушны к блестящим предметам, а водные пускают молнии, вылупляясь из яйца. Что порошок из головы и хвоста дракона делает человека непобедимым, сердечный жир излечивает от любовных страданий, а малахит... Тетушка Нитта покраснела и закашлялась.

Надёжа казалась частью безмятежной картины, но готова была вот-вот взорваться.

С осторожной торжественностью развернули очередной свиток. Взгляду предстал узкий змеистый дракон с усами, мелкой чешуей и тонкими лапами.

– А почему он без глаз? – полюбопытствовал Див.

Словно только и ждавшая этого вопроса, тетушка Нитта похвалила его за внимательность.

– Такому дракону ни в коем случае нельзя давать глаза, – назидательно изрекла она. – Иначе он оживет! – она строго прищурила глаза на Дива, желая удостовериться, что тот понял масштаб угрозы. – Один художник не поверил и нарисовал. Дракон тут же вспорхнул с листа, поднялся в небо и спалил город дотла. Хвала духам, нашелся в тот раз славный охотник. Он выследил и убил чудовище. Но драконья душа, неукротимая и бессмертная, затаилась, – она наклонилась над столом и перешла на шепот. – Она воплотится вновь, коль явится безумец, что даст дракону глаза.

– Ух ты! – восхитился Див. – Не знал такую легенду.

– Легенду, юноша? – выпрямилась тетушка Нитта. – Я открываю истины, а не забавляю вас тут историями.

Это было уже слишком. Схватив уголек из лотка, Надёжа подошла к столу и дважды с нажимом ткнула в рисунок. Дракон обрел глаза.

– Лети, друг! – нервно выкрикнула она и махнула рукой.

Все в ужасе замерли.

– Давай, кыш! Кыш отсюда! Ты свободен!

Нарисованный дракон продолжил оставаться нарисованным.

– Что ты делаешь? – процедила сквозь зубы Сластёна, скосив на нее глаза.

– Я не верю в драконов! Их место – в легендах, как вы не понимаете? – она бессильно опустила руки, выронив уголек, и оглядела их застывшие лица, не зная, какие еще нужны слова. – Ну вот ведь, смотрите, не улетел!

– А мог и улететь, – тетушка Нитта сложила руки на груди и поджала губы, наградив Надёжу столь укоризненным взглядом, будто по ее милости мир оказался на грани катастрофы, которую лишь чудом избежал.

Маленькая ведьма открыла рот, но... что возразить на это? Тетушка Нитта ничуть не выглядела разоблаченной и пристыженной, но смотрела так, словно это ей, Надёже, стоило извиниться. «Мог и улететь!» Мог, и всё тут!

Безнадежно. Она рухнула в плетеный стул в углу и не проронила больше ни слова.

Заслышав прощальные реплики, она подняла голову. Так и есть, откланиваются. Она поднялась и вместе со всеми прошла к выходу. Провожая гостей, тетушка Нитта источала радушие и важность богатой хозяйки, снизошедшей до беседы с бедными родственниками.

На пороге она ласково потрепала Надёжу по голове, и та вздрогнула от неожиданности.

– Пристыдили ее, озорницу, она и молчала весь вечер, – примиряюще улыбнулась тетушка Нитта.

Надёжа скрипнула зубами.

– Не терзайся, я не сержусь, – она оперлась о дверной косяк, провожая гостей. – «Не верю», да разве можно так говорить? Это всё молодость, беззаботность. Должно быть, ты просто не задумывалась о таких вещах.

Див обернулся и помахал на прощанье рукой. Дверь Хранилища захлопнулась.

Надёжа шла последней, чувствуя, как воздух вокруг электризуется, словно перед грозой.

Место для ночевки они присмотрели заранее. Располагалось оно в лесу не слишком далеко от города. В центре ровной и круглой поляны имелся след от большого костра. Ночи стояли тёплые, а с найденными в Ямках звериными шкурами они не боялись спать под открытым небом.

Сластёна принялась копать в сундуке. Мальчишки сходили в лес и вернулись с охапками хвороста.

– Я часто видела рисунки змеистых драконов с глазами, – пыталась объяснить Надёжа. – На гербах тех же пустынных кочевников. Из «Хроник Хтора», ты же знаешь, – она упёрлась взглядом в Чижа.

– Может, здесь другие поверья? – предположил тот.

– Вот именно! Поверья везде разные, но реальность – одна.

– Ты ведьма, – возразила Слостёна. – А простой человек не стал бы рисковать.

– Но там не было риска! Никакого! Совсем!

Не желая спорить, все усиленно занялись делами.

– Я, главное, не задумывалась! – не могла успокоиться Надёжа. – Раз не верю в драконов, значит – не задумывалась. Типа, если б задумалась хорошенько, то да-а-а, то, конечно, б поверила. А как иначе? То есть, по-вашему, задуматься, исследовать вопрос, всё проанализировать и – прийти в итоге к другим выводам нельзя в принципе?

– Да успокойся ты, – попросил Рад.

– Я спокойна! – рявкнула Надёжа. – Просто в кои-то веки задумалась. Мне же это обычно не свойственно, да?

Близился закат, и в розовеющее небо поднялись стаи лесных птиц. Внезапный порыв ветра со стороны города принес аромат сирени. Она вспомнила о доме, и негодование сменилось грустью.

Выловив упавшего в кружку долгоносика, Надёжа попробовала компот.

– Хотите, историю расскажу? – предложила она. – Про дракона. Вторая ночь без легенд – непорядок.

Все с изумлением переглянулись.

– Хотим, – выдавил верный Чиж.

Надёжа уселась на траву, поджав колени и набросив на плечи волчью шкуру.

– Случилось это в тех краях, где народ не чтил духов, но поклонялся Дракону – могучему и всеильному, – начала она. – Дракон вершил их судьбы по своей воле: одним посылал радость, другим – испытания, третьим – беспросветные горести. Все хотели счастья. Тихие и кроткие молили Дракона о милости. Усердные надеялись заслужить лучшей участи трудолюбием и добрым нравом. Ловкие норовили изменить судьбу хитростью. Жил в тех краях юноша по имени Чеснав. Он мечтал о славе и подвигах, но отец его неожиданно умер, а мать слегла в тяжком недуге. Пришлось юноше заботиться о ней и шести младших сестрах. Он трудился день за днем, забыв об отдыхе, но семья всё равно жила в большой нужде. Однажды на охоте Чеснав встретил Дракона. Громадного и страшного, да, – добавила она в ответ на невысказанный вопрос Дива. – И коварного. Куда ж без этого? Он обещал исполнить три желания юноши. «Пусть мои близкие забудут о нищете и голоде, пусть ни в чем не нуждаются», – попросил он. Дракон исчез, но вскоре явился вновь, довольно облизываясь. «Я сожрал твоих родных, и теперь они ни в чем не нуждаются», – расхохотался он и напомнил, что осталось два желания. Долго думал Чеснав, но понял – дракон всё обернет против него.

Чиж подался вперед, но нечаянно надавил на ветку. Та с громким треском разломилась, и со всех сторон раздалось возмущенное шиканье.

– «Верни меня в тот час, когда собирался я на охоту», – продолжила Надёжа. – Таким было второе желание Чеснава, и едва он произнес его, как очутился дома с охотничьим луком в руках. Зная, чем всё обернется, он никуда не пошел, но об оставшемся желании помнил.

Слостёна вытянула к костру ноги в стоптанных башмаках и не отводя глаз смотрела на ведьму.

– Прошло много лет, и случился пожар. Из полыхающего дома выбежали все, кроме больной матери. В отчаянье Чеснав чуть не призвал Дракона на помощь, но вовремя одумался. «Справлюсь своими силами, руки-то у меня есть», – решил он. Вбежал в дом, нашел мать в дыму и вместе с ней вырвался, опаленный огнем. Желание он сохранил. А Дракон терпеливо ждал. Он подкарауливал легковверных людей, перекраивал на свой лад их наивные просьбы, а потом пожирал. Он был бессмертен, пока люди верили ему и просили о помощи. А люди верили и просили всегда. Прошли еще годы, и пришла в те земли война. Там, где вчера колосилась пшеница, вздыбилась земля, распластались убитые и кричали от боли искалеченные.

Вновь хотел Чеснав призвать Дракона и вновь одумался. «Справлюсь своими силами, ноги-то у меня есть». Он созвал жителей деревни. Вместе пошли они на поле, перенесли в деревню всех раненых и, поручив их заботам женщин, ушли хоронить павших. Потом заново отстраивали сожженные дома, засевали поля. Выжившие солдаты остались в деревне, женились и обзавелись хозяйством. Чеснава выбрали старостой. А Дракон ждал своего часа и морочил других.

Див разложил шкуру на траве и улегся на живот, подперев руками голову.

– Прошли еще годы, и случился невиданный потоп, – повествовала Надёжа. – Люди забрались на крыши домов в надежде переждать там, пока вода не сойдет, но она всё прибывала. Чеснав подумал о Драконе и третьем желании, но опомнился. «Справлюсь своими силами, голова-то у меня есть». Он призвал с собой несколько мужчин и вплавь добрался до большого пригорка. Трудясь без устали, они прорыли канал. Вода схлынула в низину, дожди вскоре закончились, и все спаслись.

Рад хмурился, пытаясь, видимо, угадать, чем кончится история.

– Чеснав совсем состарился и слег. Прощаясь, селяне говорили, что не знали человека решительней, храбрей и добрей. А он не боялся смерти, ведь ему нечего было стыдиться и не о чем жалеть. «Как будем мы жить без тебя?» – плакали жители деревни. «Знайте одно, – сказал Чеснав, – что бы ни случилось, вы можете справиться своими силами. Всякий, у кого целы руки и ноги, у кого есть голова на плечах и любовь в сердце, справится с любой бедой!» Сказав это, он умер, и с последним вздохом его сгинул навеки коварный Дракон, не дождавшись третьего желания. Больше он не мучил людей обманчивой надеждой. И день за днем они учились творить свои судьбы сами, – она замолчала и, когда все решили, что история закончилась, едва слышно добавила: – Хотя иные не знают об этом и до сих пор загадывают желания и шлют мольбы.

Сластёна пошевелила прутиком остывающие угли и накинула шкуру на плечи. Воздух стал прохладней. Лесные птицы стихли, застрекотали сверчки.

– Необычно, – нарушила наконец молчание Сластёна.

– У аристократов есть гербы, – не к месту выдал Рад, – а на них – девизы. Будь ты благородной, на твоём так и значилось бы.

– Как?

– Как в легенде – «Справлюсь своими силами».

Див издал неуверенный смешок.

– Это плохо, по-твоему? – не поняла Надёжа.

– Да нет, наверно, – вставая, пожал плечами Рад.

Сластёна подвинулась и, убедившись, что мальчишки не слышат, она принялась так бойко шептать, что у Надёжи защекотало в ухе.

– Девушка не должна быть такой умной! Если тебя похитит дракон, ты доведешь его до нервного срыва, доказывая, что его не существует. А нервный дракон, знаешь ли, плохо себя контролирует и запросто откусит тебе голову. А рыцарю, который придет тебя спасать, ты будешь кричать советы, как правильно побеждать дракона. И доведешь его до нервного срыва, а нервный рыцарь, знаешь ли...

– Ты до сих пор сидела бы у Доли, если б не мы, – огрызнулась Надёжа.

– Не будь я такой беззащитной, стал бы меня кто выручать? – тихо спросила кухарка, устраиваясь на ночлег.

Утром Надёжа проснулась первой. Руки и ноги затекли, шея болела. На траве лежала роса. Когда это кончится? Когда она спала последний раз в нормальной постели?

Она чувствовала себя отвратительно, словно была виноватой, но не могла понять, в чем. Что она сделала не так? Что не так сказала? Она же права! Чем они недовольны? Все, даже преданный Чиж, смотрели вчера как-то смущенно-раздосадованно и... понимающе. От этого их понимания было еще паршивей, потому что она лично не понимала ни черта!

Когда живешь в лесной избушке, общаешься с белками, зайцами и изредка селянами, то имеешь как-то мало шансов стать знатоком людских душ, понимать намеки, улавливать настроение и всё такое. Она поймала ту тетку на откровенном вранье, но друзья почему-то дулись на нее, а не на тетку. И легенду вряд ли поняли.

Сейчас они проснутся и станут решать, где еще поискать драконов. Ей осточертела эта гонка за химерой. Она не хотела в ней участвовать.

Ведьма брела среди деревьев, всё больше отдаляясь от поляны. Башмаки намокли от росы. Птицы пели звонко и так многогласно, словно слетелись сюда со всего леса. Надёжа отклонила очередную ветку и вышла на поляну – такую же круглую, как та, где они ночевали. Однако вместо кострища в центре возвышалась крепкоствольная лестница со... ступеньками?

Надёжа приблизилась и, задрав голову, не слишком удивилась, заметив в ветвях над головой маленький домик-сруб. Они три ночи спали в таком же, когда сбежали от Доли. А сегодня спали, как дурни, на земле, не зная, что совсем рядом...

Раздался кашель. Надёжа отшатнулась.

Это не было вежливым покашливанием, каким привлекают внимание, не зная, как начать разговор. Это был тяжелый, удушливый кашель больного. Опасно больного. Смертельно. Кашель повторился.

Душевные терзанья схлынули, обиды и разногласия вмиг потеряли важность.

Там – человек. Он нуждался в помощи.

Она – ведьма. И должна помогать.

Мир снова стал простым и понятным.

Надёжа быстро поднялась по ступенькам. Покрепче прижавшись к стволу, она подняла руки, уперла в дверцу и резко, со всех сил выпрямила. Дверца скрипнув откинулась. На ведьму свалился удушливый, затхлый смрад. Она часто заморгала, задержала дыхание и решительно поднялась внутрь. Когда глаза привыкли к полутьме, она разглядела человека. Горячий воздух со свистом вырывался из его ноздрей, горло раздирал кашель.

– Кто ты? – прохрипел человек. Лишь белки его глаз ярко виднелись в темноте.

– Я ведьма. Я знаю, что делать.

Надёжа крепко обхватила несчастного и потянула к выходу. Главное – не уронить! Она осторожно переставляла ноги со ступеньки на ступеньку, удерживая свою нелегкую ношу и поминутно рискуя свалиться. Наконец, бережно положила человека на траву и вытерла пот со лба. Руки и колени дрожали. Какой же он тяжелый!

Это был высокий мужчина средних лет. Одежда простого кроя сшита из дорогой ткани глубокого черного цвета. Темные волосы, перстни на пальцах, очки на глазах.

Он снова закашлялся. Сомнений не оставалось. Надёжа вскочила. Принести воды. Согреть. Обильное горячее питье обычно помогает. Принести сумку с травами. Приготовить отвар. Случай тяжелый. Очень.

Из зарослей вышел Чиж, а за ним – Слостёна. Колесико под ее сундуком натужно скрипело, и он подскакивал на кочках.

– Ты куда пропала-то? Мы тебя ищем-ищем! Зовем, а ты не отклика... – она застыла, перевела остекленевший взгляд с незнакомца на Надёжу. – Ты вытащила человека из умирального дома?!

Ведьма нахмурилась, досадуя на нежданную задержку. Ей нужна сумка. Срочно. И вода. Слова подруги пробились наконец к охваченному жаждой деятельности сознанию.

– Умирального... дома? – переспросила она.

На поляне появились Рад и Див.

– Такие дома нарочно подальше от жилых мест ставят, – поколебавшись, затараторила Слостёна. – Всех, кто ступил на «дорогу мертвых» уносят в такой дом. И недуг остается там. Не переходит на родню и соседей. Забрав человека, болезнь уходит на много лет.

Братя разинули рты.

– Он жив! – рявкнула ведьма.

Чиж попятился.

«А что? Эффективное решение для предотвращения эпидемий в условиях тотальной нехватки ведьм», – цинично заметил внутренний голос, но Надёжа пнула его подальше.

– Я его вылечу! – решительно заявила она.

«Попытаешься», – уточнил внутренний голос.

Сластёна вытянула шею, стараясь разглядеть больного.

– А ну отойдите! – выкрикнула Надёжа. – Заразитесь, вас потом лечить.

Все послушно отпрянули, второй раз просить не пришлось.

– Он мне не нравится, – прошептала Сластёна.

– И что? – сложила руки на груди Надёжа. – Бросим его здесь и пойдем дальше?

Кухарка невозмутимо кивнула.

– Он мне совсем не нравится, – повторила она для убедительности.

– Знаешь его?

– Нет, но... вдруг он скажет, что ты ведьма? – она беспомощно воззрилась на мальчишек.

– Она никогда никого не слушает, – подал голос Див.

– С ума сошли?! Я и есть ведьма! И должна помогать людям, нравятся они кому-то или нет! С каких пор это надо объяснять?!

– Она права, – Рад вышел вперед. – Мы не можем бросить человека в беде.

Надёжа кивнула ему с благодарностью. Человек на траве согнулся пополам от очередного приступа кашля.

– Нужна темная плесень, – решила Надёжа.

Див в страхе отшатнулся.

– Разведите костер, вскипятите воду, – скомандовала ведьма. – Я скоро вернусь.

Дядюшка Боров завтракал, когда в дверь постучали. Он крикнул служанку, но та полоскала белье в дальней комнате и, должно быть, не слышала. Неохотно поднявшись, он прошел к двери. На пороге стояла нищенка. Миловидная, юная и почти не чумахая. Она попросила корку заплесневелого хлеба. Дядюшка Боров кивнул, пригладил бороду и на всякий случай прикрыл дверь. У него был такой хлеб. Жена как раз сложила его в ведро, чтоб отдать свиньям. Дядюшка Боров не был жаден, да и свиньи у них не голодали. К тому же девочка эта была скромна, знала свое место и просила лишь то, о чем следовало. В наши бесстыдные времена это нечасто встретишь. Молодежь стала наглой...

– Там в лесу человек умирает, – прервала его мысли нищенка, с благодарностью хватая хлебные корки, покрытые густой зеленой плесенью.

– Да, большой человек. Из самой Гриффы прибыл. В пути, говорят, занемог, а смерть... она приходит ко всяким, большим и малым.

В этом вопросе смерть проявляла похвальную демократичность, и дядюшка Боров ценил это.

– Мы отправили весть его людям. Они скоро придут, – успокоил он девочку.

– Но скоро будет поздно! Помощь нужна сейчас!

– Помощь? – удивился дядюшка Боров. – Смерти помощники не нужны. Люди только дерево сожгут...

Див на второй день понял, что застряли они тут надолго. А теперь убеждался в этом всё больше. Они переселились на обнаруженную Надёжей поляну. Домик она тщательно отмыла и, должно быть, обезопасила от злых духов, развесив по углам пучки вонючей травы. Целыми днями ведьма возилась с больным и колдовала над зельем. Радослав пару раз ходил в Храни-

лице и общался с тетушкой Ниттой, но ничего нового не узнал. Они открыто говорили о драконах и дальнейших поисках. Надёжа не спорила, занятая своим делом, а Див обнаружил, что не так уж интересно рассказывать легенды, если она думает о своем, молчит и не ерничает.

Больной спал, бредил, метался в лихорадке и кашлял. Иногда чувствовал себя лучше и что-то бурчал. Див не осуждал его, понимая, что и сам наверняка был бы не слишком милым, окажись на дороге мертвых. Рад и Чиж к нему не лезли, Сластёна смотрела с опаской, а Надёжа сосредоточилась на его самочувствии и своих зельях.

Зелья, и правда, были знатные! Если раньше она просто измельчала и заваривала разную волшебную траву, то теперь возилась с жуткой плесенью. Позеленевший хлеб ведьма раздобыла в Гузице и насупленно колдовала над ним день за днем, вытягивая таинственные противожизни.

– Это и есть темная плесень? – Чиж недоверчиво оглядел покрытую мохнатым налетом хлебную корку. – Не слишком-то она темная. Зеленая какая-то. Вот у нас в библиотеке по углам пле-е-есень была! – припомнил он с гордостью. – Такая темная, что просто черная!

Див почесал в затылке и тоже извлек из памяти пару примеров гораздо более внушительной и серьезной плесени, чем та, с которой копалась Надёжа.

Когда они чуть не дошли до драки, ведьма шикнула на них и пригрозила превратить в лягушек, если не замолчат. Див обрадовался, что поймал ее на слове: ведь сто раз твердила, что не умеет превращать, и вот проговорила.

Он наблюдал за подругой с благоговением. Она с боем отняла у Сластёны свободные горшки и кастрюльки. Теперь к ужасу кухарки в них буйным цветом цвела плесень. Она смешивала эту гадость с водой и какими-то порошками вроде побелки, которую тайком соскребла, небось, в городе с садовых деревьев. Она то и дело царапала что-то рашкульцем на полях книги или палочкой на земле, бормоча непонятные слова и цифры. Свою колдунскую муть она настаивала, процеживала и заново разводила водой, пока не добилась, видимо, того, чего хотела.

Пока противожизни не были готовы, она поила больного травяными зельями. Он то покорно пил, то отбрыкивался, проливая на землю целебные капли. На ночь они общими усилиями затаскивали бедолагу в отмытый и проветренный домик наверху, а сами спали вокруг костра, укутавшись шкурами. Чтоб избежать заражения, Надёжа всех поила укрепляющими снадобьями и заставляла хорошо питаться к вящей радости Сластёны, которая обожала готовить.

От противожизней больному полегчало, и он решил со всеми познакомиться. Звали его господин Хват, из чего следовало, что перед ними аристократ, а это легко объясняло все странности. К их именам больной не проявил интереса и оживился, лишь когда очередь дошла до ведьмы.

– Надёжа? Какое глупое имя! – фыркнул господин Хват. – Не хочу тебя обидеть, девочка, но оно под стать мужчинам: им надлежит быть надеждой и опорой слабым! Что за вздорная идея называть так девочку?!

Как ни странно, Надёжа промолчала.

– Я не хотел тебя обидеть, девочка, а просто сказал правду. Ведь если бы я не сделал этого...

– То что? – сухо осведомилась Надёжа.

– То утаил бы ее, – с охотой пояснил господин Хват. – А сокрытие правды – большой порок.

К огорчению Дива, она опять не стала спорить. В тот вечер, видимо, от усталости она свалилась спать раньше всех.

Однажды Див подсел к подруге с расспросами.

– Здорово, что ты с плесенью умеешь, – уважительно покачал он головой, решив начать с комплимента. – Помнишь, мы прощались у озера, ну... давно? Ты еще сказала, раз, мол,

меня рядом не будет, – он нервно сглотнул, переходя к самому важному, – ты вызовешь беса с рогами и станешь с ним дружить...

– Нет никаких бесов! – отмахнулась Надёжа.

– Думал, честно скажешь, а ты опять за свое, – расстроился он. – Дороги мертвых тогда тоже нет?

– Дорога мертвых – образное выражение, – пояснила ведьма. – Им пользуются, чтоб подчеркнуть тяжесть заболевания. Ничего мистического тут нет. Только не говори, что, и правда, воображал кошмарную дорогу с верстовыми столбами и колеей от колес! – она закатила глаза. – И в противожизнях тоже нет ничего такого... эдакого.

– А почему они зовутся «противожизнями»? Ты же спасаешь жизнь, а не наоборот.

Надёжа сузила глаза, словно прикидывая, стоит ли сбросить пред ним завесу с волшебной тайны. Див дрожал от нетерпения, чувствуя, что она вот-вот решится, но тут некстати появилась Слостёна. Одной рукой она прижимала горшок, другой удерживала край фартука, куда, как обычно, набрала лесных даров.

– Подберезовики! – похвасталась она и вывалила кучу грибов.

Надёжа потянулась к горшку, до краев полному жимолости, зачерпнула горсть, высыпала на траву и разровняла.

– Причина многих недугов – болезнетворные анималькули, – заявила она, ткнув пальцем в неровный круг из синих ягод. – Это крохотные букашки, меньше пылинок. В малом числе они не рожают хворь, потому как человек побеждает их внутренними силами.

В доказательство сего туманного утверждения ведьма собрала ягоды обратно в горсть и съела, с торжествующим видом раскрыв затем пустую ладонь с сине-розовыми точками от сока.

– От заразы не осталось следа, – она указала на траву, где совсем недавно лежали ягоды. – Но случается, что от холода, голода или безмерных печалей защитные силы человека слабнут. Тут помогают травяные зелья. Но если случай запущен и анималькулей слишком много, – она резко перевернула горшок и вывалила все ягоды, – то лишь противожизни смогут одолеть их!

– Э! – запротестовала Слостёна, когда ведьма вернула ей пустой горшок. Та лишь предостерегающе выставила ладонь, чтоб не мешала, после чего разровняла ягоды по земле тонким слоем. На сей раз синий круг вышел куда больше первого.

– Противожизни таятся в плесени, а плесень – это грибы, – сделав столь парадоксальное заявление, Надёжа выудила из кучи грибов три самых красивых подберезовика и положила их на слой ягод. – Грибы и анималькули не могут жить вместе, они ведут войну, оружие в которой – противожизни.

Див моргнул. Надёжа недовольно тряхнула головой.

– Не понимаешь? Смотри: противожизни – это яд грибов против жизни анималькулей, – в подтверждение этих слов она принялась быстро хватать пальцами и отправлять в рот ягодки, расположенные рядом с подберезовиками.

– Вот! Противожизни уничтожили почти всю заразу, – провозгласила она, указывая на отсутствие ягод в непосредственной близости от грибов.

Ягод осталось совсем мало, на что Слостёна смотрела весьма недовольно.

– С незначительными остатками анималькулей человек может справиться и сам, – подытожила ведьма и доела жимолость.

Кухарка поспешно собрала в фартук грибы, пока их не слопала объятая просветительским пылом подруга.

– В общем, нет тут никакой мистики, – тыльной стороной ладони Надёжа вытерла сок с губ. – Вся сложность в том, чтоб найти подходящую плесень и вытянуть из нее противожизни.

Див разочарованно скривился.

– Если это ведьмовская тайна, могла бы так и сказать прямо, – пробубнил он, – а не выдумывать сказочки про войну грибов и ягод.

Надёжа только рукой на него махнула и вернулась к заплесневелым горшкам.

Див понял, что разговаривать с ней сейчас – это как по пастбищу гулять: стоит зазеваться, как вляпаешься в коровью лепешку, и воня потом не оберешься. Но поболтать все же хотелось, поэтому он подсел с рассказом о своих приключениях к господину Хвату. Тот отреагировал странно.

– Ни меча, ни доспехов у брата твоего. Как думает он раздобыть зуб дракона? – спросил он вместо того, чтоб просто по-человечески порадоваться за юношу, который в наши прозаичные времена сподобился обзавестись столь высокой целью.

– Можно... как-нибудь хитростью, – почесал в затылке Див.

– Без честного боя? Колдовством или воровством? Не хочу вас обидеть, но тогда вы либо воры, либо волшебники, – сделал вывод надёжин больной.

«Не хочу обидеть – как же! Не хотел, так не обижал бы», – насупился Див и больше с разговорами не лез.

Надёжа впервые за последние дни была в хорошем настроении, просто отличном, восхитительном.

Пациент был здоров! Благодаря ей. Наконец-то можно выдохнуть и расслабиться. Она никогда прежде не проделывала это в одиночку: целиком и полностью сама, от начала до конца! А ведь она даже не была уверена, что раздобыла нужный вид пенициллума. Она жутко устала, издергалась и не выпалась, но оно того стоило. Уму непостижимо! Получилось! Она, маленькая ведьма Надёжа, смогла вытянуть из плесени противожизни и вернуть больного с дороги мертвых!

Больной был со странностями, но это мелочи. Главное выжил! Это серьезное достижение и весомый повод для гордости. Может, хоть теперь друзья признают ее ум и станут прислушиваться?

Довольная собой Надёжа и к другим была благодушна. Она порхала по поляне, сыпала добрыми шутками и порывалась всем помогать. Хотелось петь, но останавливала мысль, что певица из нее никудышная. «Зато ведьма отличная!» – в который раз похвалила она себя. Наткнувшись на заросли желтой мыльнянки, Надёжа позвала Слэстёну к озерцу неподалеку, чтоб искупаться, постирать и высушить вещи.

Туда они и собирались, когда на поляне появились незнакомцы.

Они выглядели странно и довольно угрожающе, как вспоминала Надёжа потом, но, обьятая эйфорией, не почувствовала угрозу сразу. Дюжина молчаливых высокорослых мужчин бесшумно выступила из леса. Приветствуя кивком господина Хвата, они вставали по краю поляны, образуя широкое кольцо, внутри которого оказались лещина с домиком и костер с кипящим котлом. Друзья испуганно таращились на непрошенных гостей. А там было чего пугаться. К примеру, черных балахонов и внушительных размеров мечей, пристегнутых к поясу каждого. Надёжа, отродясь не державшая оружия, поймала себя на мысли, что сражаться в подобном облачении, должно быть, крайне неудобно, ведь, помимо прочего, придется непрестанно заботиться о том, чтоб не наступить на подол. От их лысых голов отражались солнечные лучи, и ведьма подумала, что пора бы ребятам надеть болтающиеся за плечами капюшоны, пока солнечный удар не получили.

Словно в ответ на эти мысли, незнакомцы разом надели капюшоны. Вышло так синхронно, что она вздрогнула.

– Эти люди прибыли ко мне, – нарушил тишину господин Хват.

«Хорошо, что не ко мне», – обрадовалась Надёжа, а вслух сказала: – Наверно, они рады видеть вас в добром здравии, – и выдавила улыбку.

– Они рады всему, что угодно духам, – отвечал недавний больной. – Духи пожелали, чтоб я продолжил свой земной путь. А значит, дело моей жизни не закончено.

Сластёна охнула и села на траву.

– Дело моей жизни – борьба с колдовством, – продолжил он. – Я всегда говорю правду, потому что не сказать правду – значит утаить ее, а сокрытие правды – большой порок. Правда в том, что ты ведьма. Опасная и сильная ведьма, способная по своей воле вернуть человека даже с дороги мертвых. А значит, тебя ждут суд и костер.

«Так я по своей воле тебя вернула или так было угодно духам?» – собралась уже ехидно поинтересоваться Надёжа, но тут до нее дошел смысл последних слов.

– Взять всех под стражу! – рявкнул он. – Вы во власти Священного трибунала.

Росмунт Белозёрский, сержант Дворцовой стражи, шел по безлюдному ночному городу, проклиная судьбу. Сегодня его повысили, но едва обзаведясь вторым пером на шлеме, он услышал о случившемся. И получил приказ.

– Это не может сделать кто-то другой? Зачем это поручать мне? – негодовал Рос.

– Выполнять, – как всегда, коротко ответил отец.

Перед носом нарисовалась черная дверь. Неотвратимая и неизбежная. Рос и сам не заметил, как пересек полгорода. Он сложил ладонь в кулак и трижды постучал. С жутким скрипом, дверь медленно отворилась.

Старый дворецкий сделал глубокий вдох.

– Его Милость, благородный господин Росмунт Белозёрский, – громогласно начал Враныч. – Сержант Дворцовой стражи, старший сын Руза Белозёрского. Наследник Белого, Голубого и Синего озер, а также всех лесов и лугов к северу от оных до Медных гор... – старый дворецкий редко имел возможность продемонстрировать свой профессионализм, а потому отрывался по полной.

– Привет, Рос, – поздоровался князь, быстро спускаясь по ступенькам. – Давно сержанта дали?

– Сегодня, – промямлил он и с опаской покосился на внезапно замолчавшего Враныча. – Я вынужден сообщить Вашей Светлости о срочном заседании Совета и вашем обязательном присутствии.

– Что случилось?

Рос нервно сглотнул. Он полжизни отдал бы за возможность стоять сейчас в другом месте и говорить другие слова. Но выбирать не приходилось.

– У меня приказ проводить Вашу Светлость к главным воротам Дворца, – выдавил он. – Сообщать что-либо полномочий нет.

Князь заметил, наконец, выразительный взгляд дворецкого. Кольчуга. Рос знал, что по правилам этикета, нельзя являться во Дворец в доспехах и с оружием. Это будет воспринято как осознание угрозы и необходимость в защите, а подобное недоверие со стороны племянника глубоко обидит царицу. Точно обидит. У Его Светлости уже была возможность убедиться.

Князь с раздражением выдохнул и ушел переодеваться. Он явно ненавидел камзолы не меньше, чем Рос свою алебарду и алый плащ.

Зыба Пустоболотный, советник по торговле, едва сдерживался, чтоб не заткнуть ладонями уши. Гвалт стоял невообразимый. Царица на Совет не явилась. С ней случилась истерика. Потом она долго рыдала и слегла наконец с мигренью.

Советникам слезы были не к лицу, однако растерянность, охватившая их в первый миг, уже сменилась паникой. Поминутно вскакивая с мест, они то кричали на весь зал, то испуганно шептались о чем-то на ухо соседу. Они не знали, что происходит, а Зыба – в кои-то веки – знал.

Он робко поднял руку.

Он догадался, что имел в виду Гордей. Это было гениально. Порученный ему вопрос не мог быть истолкован неправильно. Здесь имелся лишь один смысл. И один ответ. Зыба потрясенно покачал головой: похоже, этот парень, Гордей, и в самом деле хитрее Крыса.

– Один вопрос, господа, – прокричал он, стараясь пробиться сквозь шум. – Всего один вопрос!

Все взгляды обратились на него, низкорослого, лысоватого, как они всегда думали, простачка. Чувствуя небывалую уверенность и даже силу, Зыба поднялся и окинул взором взволнованное собрание. Здесь творилась история. И творил ее он. Ткань времени трещала, натянутая до предела, готовая вот-вот порваться и выпустить на волю новую эпоху.

Господин Зыба открыл рот, но вместо того, чтоб покорно произнести три порученных ему слова, к удивлению для самого себя, выдал целую речь.

– Всё это очень сложно, господа, – с важностью начал он. – Пропажа Ее Светлости немыслима, и нас терзает множество вопросов. Что теперь делать? Как найти царевну? И где искать? Где в наши дни гнездится дракон? И как он унес царевну столь незаметно и бесшумно? Но давайте на минутку успокоимся и зададим не сотню, а всего один вопрос, – он выдержал паузу. – Кому это выгодно?

Все на мгновение замерли, а затем в нескольких головах, видимо, одновременно что-то щелкнуло. По залу прокатилась волна вздохов. Зыба поймал взгляд главного царского советника. Аспид Харенмский кивнул.

– Кому больше всех выгодно исчезновение *первой* наследницы Солнцеградского престола? – с нажимом повторил Зыба, наслаждаясь эффектом.

Из коридора донесся звук приближающихся шагов. Дверь зала собраний распахнулась.

– А, Ваша Светлость, – прошелестел Аспид. – Вовремя. Мы тут как раз подумали... о вас. Зыба понял, что дело сделано.

Радослав не мигая смотрел на дверь. Ее он выбил бы за пару минут, а что дальше?

В очередной раз прокрутив в голове арест и дорогу в Гриффу, он мучительно зажмурился. Воины Священного трибунала не зря ели свой хлеб и тренировались, должно быть, на самих пустынных демонах, молниеносных и несокрушимых. Рада мигом придавили к земле. Он слышал звуки возни, но ничего не мог сделать. Пронзительно визжала Слостёна. Извернувшись, Рад видел, как отчаянно цеплялась она за сундук.

– Оставьте, – с досадой махнул рукой господин Хват. – Это рабыня-кухарка, дрожит над кастрюлями, как курица над яйцами.

Их крепко связали, а на головы надели мешки.

– Сжечь дерево, – приказал, покидая поляну, господин Хват.

Рада подняли, потащили прочь и швырнули куда-то. Он почувствовал, как рядом упали ещё четыре тела. Заскрипели колёса, и они куда-то поехали.

Он слышал указания Хвата и скупые реплики его воинов. Смысл разговора ускользал. Он пытался освободить руки из веревочных пут, но получил по голове и потерял сознание. Очнулся он от шума перебранки. Спорили двое.

– Кого опять привезли? Места нет! – нервно причитал кто-то. – Везут и везут! Везут и везут! Куда я их дену?! Свободных камер нет!

– Запри в сарае, – смутно знакомый низкий голос принадлежал, должно быть, одному из хмурых парней в балахонах.

– Так нельзя! Это против правил! Что, если...

– Запри в сарае! – с нажимом повторил первый. – Эти люди не важны и не опасны. Они околдованы. Сожгут ведьму, и чары спадут. Отопрешь потом сарай и выгонишь на улицу. Пусть проваливаются, нам они не нужны.

Обладатель визгливого голоса с ворчанием согласился. С них сняли мешки и связанных толкнули в какой-то сарай, зашвырнув вдогонку сундук. Лязгнул засов. В ноздри ударил запах прелого сена. Ослик в углу поднял голову и лениво потряс ушами.

Рад отполз к стене, сел и тупо смотрел на дверь, пытаясь всё осмыслить. Рядом, обняв сундук, таранилась в пустоту Сластёна. Див едва слышно стонал, Чиж еще не пришел в себя.

В Кренмире не сжигали волшебников и ведьм. Да, их не слишком любили, не поощряли проживание в городах, но не убивали! К ним относились с осторожностью, а в случае нужды шли за помощью. Тогда как здешние порядки были просто... дикими, невыносимыми.

Чиж очнулся и сразу накинулся с упреками на Сластёну. Див поддакнул: могла бы и раньше сказать, какие зверства тут творятся.

– Я говорила! Я сто раз говорила, таиться надо! – чуть не расплакалась кухарка. – А вы меня слышали только, когда кушать звала.

Мальчишки пристыженно стихли.

– Завтра лето, – не к месту вспомнил Див. – Мужик, что снял мне мешок с башки, сказал, завтра первое июня. Как быстро время пролетело, да?

– Сегодня последний день мая? – Сластёна с изумлением подняла голову.

– Да, а что?

– Выходит, год уже прошел. В последний день мая я последний раз видела родителей, – потрясенно пробормотала она.

Радослав отвел глаза. Сластёна не рассказывала, как осталась одна и попала в рабство, а они не спрашивали. Чиж не спешил поведать о прошлых хозяевах, и они с Дивом не вспоминали дядьку Вислоуса. Беда растревожила в памяти все бывшие страдания. Да только зачем зря душу беречь? Надо думать, как выбраться и помочь Надёже.

Каким-то чудом Сластёне удалось освободить руки от пут. Шум снаружи постепенно стих, стало совсем темно. Кем бы ни были заточившие их люди, их жизнь шла своим чередом, в сарай они не заглядывали. Кухарка достала нож из сундука, разрешила веревки на своих ногах и освободила остальных. Велев всем приготовиться, Рад вышиб дверь одним ударом. Где-то залаяла собака, что-то скрипнуло. Пленники не стали уточнять, где и что.

Синеока вздрогнула, когда за спиной с грохотом хлопнули дворцовые двери. В глазах застыли слезинки. Вздернув подбородок, она зашагала прочь.

О пропаже царевны они узнали ночью. Она должна была спать под наблюдением одной из девушек свиты, но каждая указывала на другую, уверяя, что сегодня не ее очередь. Царевна редко оставалась без присмотра. Единственным местом, куда она спускалась без сопровождения, была библиотека. Вчера Ее Светлость выразила желание в одиночестве полюбоваться звездами на вершине башни. Именно там потом и обнаружили разбросанные кресла, борозды на штукатурке и обломок огромного, явно драконьего, зуба.

Дворец охватила паника. Мамушки и служанки носились по залам, голоса и сшибая друг друга. Башню наводнила стража, царедворцы и, наконец, советники.

Синеока приготовилась к худшему: сурово поджав губы, она решила достойно встретить смерть, ведь их наверняка казнят за то, что не уберегли царевну. Всё оказалось хуже: их отправили по домам, выбросили, как кукол, которых ни к чему держать в доме, где нет детей. «А как же наша клятва?!» – воскликнула Синеока, но ей недвусмысленно указали на дверь.

Она не заметила, как оказалась на набережной. По берегу бродили чайки. Зеленоватые волны Чилики играли солнечными бликами. Она присела на скамейку.

Царевну унес дракон. В голове это не укладывалось, но других версий не было. Значит, она должна... найти этого дракона. Не в силах отместить доводы разума о том, что драконов не существует, Синеока пришла к компромиссному решению – она проверит это предположение, а потом перейдет к другому. В связи с драконами на ум приходили только Костяные горы.

По легенде, именно там коварный Змей-горыныч держал в плену прекрасную Чилику. Синеока бросила взгляд на речные воды. Она должна отправиться в Костяные горы.

«Чтобы что?» – ехидно осведомилась бы Надёжа, окажись она рядом.

– Я дала клятву! – воскликнула она.

Тётушка на другом конце скамейки испуганно зыркнула на нее, вскочила и распрощалась со своим собеседником. Им был некий почтенного вида дядюшка, подробно излагавшей способы борьбы с мозолями на пятках. Он потянулся, чтоб схватить тётушку за рукав, но та убежала. Он заметил Синеоку.

– Молодежь, – поднял он палец. – Молодежь нынче не та! Слыхали, что стряслось с царевной? А я давно говорил, так будет! Раньше в каждой деревне был охотник на драконов, а теперь и в городе не сыщешь. Молодые хотят развлекаться, а со злом бороться некому. Я всегда говорил, что скоро эти чудища станут похищать девиц!

– Вы не подскажите, где купить карту? – вежливо поинтересовалась Синеока.

Дядюшка прервал речь с видом наездника, вынужденного на ходу остановить лихих коней.

– В лавке «Дальний путь», – ответил он и собрался продолжить прерванную мысль.

Но Синеока уже убежала.

Рад бессильно уронил голову на грязный стол. Див и Чиж стучали ложками, поглощая мутное варево из мисок, а ему кусок не лез в горло. Это странное место они нашли на окраине города, когда небо уже начало светлеть. Рискнули сунуться и не ошиблись. Здесь нечего опасаться. Заведение отдаленно напоминало трактир с такой пестрой и разнообразной публикой, что если они и выделялись на общем фоне, то лишь скучной обыкновенностью. Кого тут только не было: одноглазый громила с крюком вместо одной руки, тощая девица в кожаных мужских штанах, волосатый коротышка с золотым зубом. Здешний люд явно был не в ладах с законом, и заведение как нельзя лучше подходило мелким воришкам, мошенникам и проходимцам. «Проходимцы, – мысли Рада зацепились за это слово. – А мы теперь кто? Проходимцы и есть».

Всю ночь они шныряли по узким улочкам, разыскивая путь к башне Священного трибунала. Там, по мнению Сластёны, держали в заточении ведьму. «Сбежали сами, поможем и ей», – убеждал себя Рад, но башня встала перед ним неприступной каменной громадой.

– Она была самой доброй и славной хозяйкой, – всхлипнул Чиж, отложив ложку.

Рад поднял голову и сфокусировал на нем усталый, непонимающий взгляд. Чиж, похоже, ни на миг не забывал, кем были его прошлые владельцы, и чем отличалась от них Надёжа.

– И Сластя без нас пропадет, – продолжал мальчуган.

Они сторонились фонарей. Падали в сточные канавы. То упирались в тупик, то блуждали по кругу. Шарахались от бродячих собак. Прятались под телегой от стражников. Когда и где они потеряли Сластёну?! Див утверждал, что на Хлебную площадь они вышли вчетвером. Чиж сильно сомневался. Рад не мог вспомнить, как ни пытался.

– Это судьба, понимаете? – пробормотал Див. – Судьба Сласти – быть рабыней-кухаркой. Мы попытались ее изменить, и что вышло? Девчонка потерялась в большом городе. Ее опять подберут и заставят батрачить на кухне. Всё предreshено, всё возвращается, понимаете? И с Надёжей также. Она ведьма, а все знают, что ведьме счастья не видать, даже лучшей, самой распрекрасной. Замучают ее теперь, а потом...

– Заткнись, – не выдержал Рад.

Чиж заплакал.

Утешить было нечем. Скрипнув зубами от бессилия, Рад отвернулся к окну. За мутными стеклами едва виднелась улица. Хуже и быть не могло.

– Эй, парень, ты рад? – его кто-то толкнул в плечо и уточнил: – Или не рад?

– Я просто счастлив, – процедил Радослав, с неохотой поворачиваясь к незнакомцу.

Его разглядывал низкорослый мужичок неопределенного возраста и весьма замызганной наружности.

– Тут разговоры ходят о парне, что Ямки подпалил и рабов по домам отправил, – прошептал он. – Говорят, зовут его Рад, в помощниках у него два мальчишки и две девчонки, а сам он ищет дракона. Про девок, ясно дело, наплели, я сразу не поверил.

Рад с тревогой огляделся. Чиж вытер глаза, размазав по щекам грязь, и отодвинулся.

– Не бойсь, – усмехнулся мужичок наполовину беззубым ртом, – страже не сдам, не тот я человек, чтоб со стражниками якшаться, – он залился сухим кашляющим смехом и подсел к Радославу. – Я вот чего подумал: у вас монетки должны водиться, а за монетки я могу и о драконе сказать. Живой дракон объявился, всамделишный, девицу на днях унес.

– Что?

– Монетку-то покажь, – хитро прищурился странный информатор.

Рад опустил руку в карман и молча выложил горсть монет на стол.

– Бывал в Кренмире? Пару дней пути на восток, за рекой? Приятель у меня дела там проворачивает, – разоткровенничался мужичок, – серебро ворованное скупает да здесь продает. Так он своими ушами слышал, что царевну тамошнюю давеча дракон когтями из башни выцепил и унес.

– Солнцеградскую царевну? – вытаращил заплаканные глаза Чиж.

– Спасителю, говорят, полцарства обещают, – подмигнул беззубый и, сграбастав со стола деньги, исчез так же внезапно, как появился.

Рад обернулся, но странный товарищ уже затерялся в толпе.

Лунь Солнцеградский открыл глаза. Его окружала темнота. Голова болела. Он поднялся, и тогда заболело всё. Он вспомнил, как дрался с Дворцовой стражей. Аспид велел арестовать его, и эти дурни с алебардами получили возможность выслужиться.

Глаза привыкали к полумраку. Он огляделся. Каменные стены, каменный пол, крепкая деревянная кровать. Дверь с решеткой. Даже так, значит?

Лунь подошел к окошку, за которым виднелся крохотный участок коридора и какой-то человек, переминавшийся с ноги на ногу.

– Рос? Тебя в тюремные стражники разжаловали?

Росмунт подскочил к двери.

– У меня приказ капитана о круглосуточной охране вашей камеры, – он чуть не плакал.

Лунь высунул руку, резко схватил его за застежку плаща и с силой дернул к себе. Стражник попытался вырваться, но ничего не вышло.

– Что происходит, Рос?! – прорычал князь. – Какого черта, вообще, творится?

– Народ на вашей стороне, Ваша Светлость, – залепетал стражник. – Никто не верит, что вы способны на такое. Все знают, что вы бы никогда... Но эти судят по себе. Думают, вы не желаете быть вторым...

Когда четырнадцать лет назад царь Енчияр рухнул с небес на землю вместе с чудо-пузырем, успев обзавестись на тот момент лишь дочерью, вопрос о передаче власти повис в воздухе. Многие говорили, что трон должен занять его младший брат Лаггар, отец Луны, но его тогда не было в Солнцеграде. Созвали Совет, и царицу убедили принять корону, чтоб потом передать дочери. Вернувшись в город, Лаггар не стал оспаривать это решение и продолжил жить обычной жизнью. А Советников одного за другим отстраняли от власти, заменяя новыми, малоизвестными людьми, пока наконец из прежнего Совета почти никого не осталось.

Насколько помнил Лунь, в его семье вопрос о притязаниях на трон не поднимался, а место в очереди наследования воспринималось как формальность. После гибели отца Лунь стал вторым кандидатом на трон после царевны. Сам титул его содержал парадокс, к которому

все привыкли, но который не стал от этого меньшим парадоксом. Лунь был объявлен первым наследником меча Хтора Великого и вторым наследником короны и скипетра. Это абсурд. Меч, корона и скипетр. Эти три штуковины всегда шли набором, который нынешняя царица поделила.

Лунь посмотрел в полные отчаянья глаза Роса и, желая избежать второй волны невнятного бормотания, сформулировал вопрос четко.

– В чем меня обвиняют?

– В преступном сговоре, – Рос сглотнул.

– И с кем я, интересно, сговорился? И о чем?

На стражника больно было смотреть.

– Вы сговорились с драконом, – выдавил он, – чтоб тот похитил царевну и освободил вам путь к трону.

От удивления князь разжал пальцы.

– Ты сейчас пошутил, да? Скажи, что пошутил.

Стражник вырвался и, часто дыша, прислонился к стене напротив.

– Боюсь, что нет, Ваша Светлость. Ее Светлость, высокородная царевна Всенежа Солнцеградская исчезла. Видели, как она поднималась на смотровую площадку башни, но позже ее там не было. Нашли следы когтей, поломанную мебель и огромный обломок зуба. Где искать царевну, никто не знает, но всем ясно, кто должен занять ее место.

Князь прошел внутрь камеры и сел на лежанку.

Кто-то выкрал Нежку. Он мог бы осмотреть башню, расспросить всех, кто был там, и найти зацепку. Он многое мог бы сделать, не оказавшись сейчас запертым здесь по приказу Аспида! Какие царице еще нужны доказательства, что главному советнику нельзя доверять? Лунь опустил голову и мучительно потер виски. Нет, она снова решит, что доверять нельзя как раз ему.

– Новости быстро облетели город, – вновь подал голос стражник. – С утра во Дворец явились двое, вроде охотники. Хотели отправиться на поиски Змея-горыныча. Требовали гарантий, что получают руку царевны и законные полцарства, если всё пройдет удачно.

Лунь закрыл глаза и откинулся к стене.

– За день таких было еще пятеро, – продолжил Рос, – и царица на всё согласилась, лишь бы вернуть дочь. Во Дворце безумие. Говорят, она всё время плачет и мечется по углам. Когда приносят бумаги, она то рвет их и швыряет в окно, то подписывает, не глядя. Все боятся, как бы в стопке не оказалось приказа о вашей казни. Кажется, нельзя и представить, но сейчас... всякое возможно. Завтра прибывает делегация из Гильдии магов, ну те, насчет пошлин, помните? До них уже никому нет дела...

Сузив глаза, князь не мигая посмотрел перед собой. Кто мог похитить Нежку? Как они провернули это? И зачем? Последнее время он редко виделся с сестрой. Она вроде затеяла какой-то конкурс для девиц, в башне постоянно толпился народ. А он вечно спорил с Советниками, гонялся за контрабандистами, с кем-то дрался. Кстати, да.

– Рос, я вчера никого не убил?

– Нет, Ваша Светлость, – широко улыбнулся стражник. – Но Ряха Двуовражный разволпился, что не подписывался на такое, просился в отставку и требовал пенсию за сломанный нос. Царица грозила проломить ему еще и череп скипетром, если не уберется. В общем, Ряха у нас больше не служит, свалил в свои овражки, – с благодарностью доложил Рос. – Скотина он всё-таки редкостная даже по дворцовым меркам, простите за прямоту, так что парни вам благодарны, – он немного замялся. – Ну те, которые нормальные.

– Что с моими людьми?

– Лунная гвардия под домашним арестом. Любое их действие признали бы доказательством заговора. Ставить вас под удар никто не рискнул.

– Даже Рыч? – Лунь вспомнил, что тот выпросил день отдыха накануне, а значит, сейчас мог находиться где угодно.

– О нем неизвестно. В Дворцовой страже заявили, что им не к лицу гоняться за черню. Приказ об аресте передали в Городскую стражу. Капитан их покивал, конечно, и обещал непременно изловить, но ясно, что никто из его людей не станет связываться с Рычем, если встретит.

Князь криво улыбнулся.

Надёжа ощупывала холодные стены камеры, когда скрипнули засовы и дверь отворилась. От яркого света она прикрыла глаза. Звякнула цепь. Двое мужчин в балахонах с опаской приблизились. Громыхнув связкой ключей, один открыл замок, которым цепь крепилась к кольцу в стене, в то время как второй завязал ей глаза и толкнул в спину. Никто не произнес ни слова.

Звения цепями, Надёжа шла по коридору. В спину то и дело тыкали, несколько раз она чуть не упала и пару раз всё-таки упала. От духоты и влажности кружилась голова. Сквозь закрытые веки и повязку ей виделись оранжевые пятна. Слышались звуки падающих капель и стоны. Она то спускалась, то поднималась, сворачивала и меняла направление, пока наконец воздух вокруг не стал теплым и свежим.

Раздался грохот. Цепь на ногах куда-то потянули. Кто-то дернул узел, и повязка слетела.

Надёжа открыла глаза. Пристегнутая к столбу, она стояла в центре большого каменного круга. По периметру располагались уходящие вверх ряды скамеек, заполненные людьми в балахонах. Они смотрели с интересом и опаской, как на диковинную змею, которая наверняка окажется ядовитой.

Яркий свет струился сквозь украшенные разноцветными стеклами окна и прозрачный сводчатый потолок. Надёжа сощурилась.

– Дети тьмы боятся света, – прокомментировал знакомый голос.

Господин Хват. Он выглядел несравнимо лучше, чем в день их первой встречи, и выделялся среди сотоварищей, как алмаз в груде битого стекла. Его тяжелый бархатный балахон имел ту глубину черного, рядом с которой мрак самых потаенных страхов покажется линияло серым. Он величаво поднялся с места и шагнул вперед.

– В мой смертный час возникла ведьма, то был знак. Всегда строгий к колдовству, я явил бы преступную мягкость и потворство пороку, уйдя из жизни слишком рано. Духи не допустили этого. И вот – я с вами.

По рядам пронёсся благоговейно-одобрительный гул, в котором безошибочно угадывалась завистливая нотка. Должно быть, не ко всякому здесь духи проявляли столь персонифицированное благоволение.

– Я обвиняю эту деву в колдовстве, – торжественно продолжил он. – Она вытягивала сок из мерзкой плесени, обращала отрока в лягушку, призывала беса с рогами. И вместе с околдованными спутниками она добровольно шла навстречу... дракону.

Балахонистые ряды содрогнулись.

Надёжа мысленно застонала: этот неблагодарный гад слушал их болтовню и принимал за чистую монету.

– Пусть Священный трибунал, справедливый и праведный, проверит всё и убедится, – подытожил господин Хват.

Какой-то лысый старикан в грязно-сером балахоне подскочил с места и приблизился к ней.

– Ты вытащила его из умирального дома? – дрожащим голосом спросил он.

– Я слышала кашель, – честно призналась Надёжа. – Решила, что кто-то болен и нуждается в помощи.

- Решила? Кто дал тебе право? Любая жизнь в руках духов, им решать, что с ней делать.
- Но я знала, как его вылечить, значит, должна была попытаться.

Надёжа с удивлением слышала свой тонкий голос. С той минуты, как оказалась под арестом, оглушенная и связанная одна в холодной камере, она только и делала, что боролась с липкой пеленой страха, чувствуя, что терпит поражение. Тихая жизнь в лесу к такому не готовила. Мгновение назад она была потерянной и жалкой, теперь же чувства зашкалили так сильно, что... вдруг исчезли. Остались только мысли, спокойные и простые.

- Всякий на моем месте поступил бы так же, – закончила она.

Должно быть, живо представив мир, в котором так поступал бы всякий, ряды «справедливых и праведных» всколыхнулись. В тишине едва слышно скрипело перо. Совсем юный писарь торопливо выводил на бумаге произносимые здесь слова.

- Она полагает, будто сама всё вершит, – пробормотал старик и в страхе попятился.

– Погодите-ка, – поднялся с места другой дедок, невысокий и полноватый. – Да ведь у девочки совсем нет страха. Она живет в пустом мире без духов. Что если открыть ей глаза? – он горел любознательным интересом. – Вообрази, что есть некто, способный слышать твои помыслы и видеть все дела твои: большие и малые, злые и добрые, – вкрадчиво начал он. – Кто судит каждый твой шаг и судит строго. Представила?

Надёжа кивнула.

– Сможешь теперь вершить зло? Пусть даже малое? – спросил он с теплотой и терпением зубного лекаря, чей пациент крепко привязан.

- Постараюсь не совершать.
- Почему же? – улыбнулся дедок.
- Потом противно и тошно будет. И настроение гадкое.
- О, – он с досадой отмахнулся. – Я о высшем и великом суде всяких дел твоих!
- Да. О совести. Так ведь?
- Но что есть совесть? Лишь шепот духов в сердце твоём.
- М-м... Я так не думаю.

Дедок отпрянул. Со скамьи поднялся серьезный мужчина средних лет с ворохом бумаг. Неодобрительно морщась, он махнул рукой в сторону первых обвинителей, призывая их занять места.

- Перейдём к официальной части, – он зашелестел страницами.

Надёжа переступила с ноги на ногу. По полу звякнула цепь.

- Основной вопрос магии? – деловито осведомился он, подняв нос от бумаг.

- «Что первично?» – не раздумывая, выпалила Надёжа.

- И каков ответ? – вскинул брови мужчина.

– Для сторонников мнимой магии первично их мнение, они верят, что из него творится реальность. Для приверженцев реальной магии первична реальность, она – основа всего, включая нас и нашу способность мнить.

Ряды в балахонах возмущенно выдохнули. Надёжа нахмурилась, не понимая, что не так.

- И как ответишь ты? – каждым словом он будто вколачивал очередной гвоздь в ее гроб.

«А как надо, чтоб отпустили?» – запоздало опомнилась Надёжа. Врать она не умела, но в нынешней ситуации попробовать стоило. Впрочем, их логика так сильно выходила за рамки ее понимания, что шансов догадаться не было.

- Первична реальность.

Скрипнуло перо. Человек с бумагами усмехнулся.

– Два ведомых тебе ответа – лживы, – покачал он головой. – Наш мир мнимый, но не вы, ведьмы, мните его. Первичны духи. Их мнением творятся моря и горы, люди и звери, вся ведомая нам реальность и все неведомые дали.

Надёжа недоуменно тряхнула головой. Она и раньше с трудом понимала концепцию мнимой магии, а уж в таком виде она казалась полной бессмыслицей: придуманная нами нечисть придумывает нам реальность? Ерунда какая-то. Она оглядела ряды суровых мужчин в балахонах, которым это явно не казалось ерундой, и поймала взгляд господина Хвата. С начала заседания тот сидел как индюк среди переполоха на птичьем дворе.

С задних рядов сорвался безумного вида старик и подскочил к Надёже. Он так рьяно тряс головой и пронзительно верещал, что она с трудом разбирала слова. Нечесанные космы болтались из стороны в сторону вокруг его лысой макушки.

– ...Знаешь ли ты, ничтожная, что ждет тебя после смерти? – взвизгнул он напоследок, брызнув слюной.

– Ничего, – Надёжа вытерла капельки со щеки.

– О не-е-ет, – затряс старик пальцем у нее перед носом. – Кроваво-красный дракон о семи рогатых главах пожрет тебя заживо и будет вечно терзать в нутре своем! – с последним словом он всем телом вздрогнул от ужаса, который сам на себя нагнал.

Надёжа отступила на шаг.

– На самом деле, ничего – страшнее, – она нашла в себе силы улыбнуться.

Тот, что с бумагами, мягко отстранил престарелого соратника.

– Уведите девушку, – с неудовольствием покачал он головой, – мы убедились, что она ведьма и применяет магию.

С двух сторон к Надёже осторожно приблизились те же двое, что привели ее сюда.

– Сжечь ведьму! – надрывался старик, которого безуспешно пытались увести на место.

«Они что, всерьёз?»

Господин Хват поправил очки. Надёжа ухватила за внезапно пронзившую мысль.

– Но магию применяют все, даже вы: очки носите, потресками пользуетесь – я видела, – воскликнула она с внезапной горячностью. – У вас даже цветное стекло на окнах, а его не получить без реальной магии...

Поджав губы, господин Хват сложил руки на коленях.

– Люди слабы, и мы не исключение, – молвил он кротко. – Отличие же нас от волшебников в том, что каждый раз мы смиренно просим у духов прощенья за свои слабости...

– Как удобно, – буркнула Надёжа.

– ...тогда как вы дерзновенно вторгаетесь в их тайны всё глубже и дальше, – закончил он мысль.

– Думаю, можно отдать распоряжение о подготовке к казни, – наклонился к нему тот, что с бумагами. – Стандартная церемония на Хлебной площади?

– Торжественная. На площади Ратуши, – распорядился господин Хват. – Люди соскучились по зрелищам. И бургомистр как-то расслабился.

Собеседник одарил его подхалимской улыбкой и кивнул писарю.

Надёже завязали глаза.

Всенежа Солнцеградская, Ее несравненно прекрасная Светлость, высокородная царевна и первая наследница великого Кренмира, поджав ногу подобно цапле, стояла в воде и громко считала вслух.

– ... тридцать четыре, тридцать пять, тридцать шесть...

Прозрачный поток лесного ручейка, достигнув царственной щиколотки, с тихим журчанием делился надвое, чтоб вскоре вновь слиться воедино. Сквозь густую листву пробивались солнечные лучи. Они светлыми полосами расчерчивали лес и дрожали на воде слепящими бликами. Воздух дрожал от птичьих трелей.

На траве стояли некогда изящные, отделанные жемчугом башмачки. Придворный сапожник разрыдался бы, увидев их теперь: носы были сбиты, а каблуки покрыты слоем чернозема.

– ... тридцать девять, сорок, сорок один... Смотри! Рыбки-рыбки-рыбки!

В воду тяжело упал подол платья, который секунду назад царевна придерживала на уровне щиколоток в полном соответствии с нормами приличий. Указывая на что-то пальцем одной руки, другой она замахала в надежде удержать равновесие. Несколько раз наклонилась вперед-назад, заскользила по каменистому дну и наконец плюхнулась в ручей, подняв облако брызг.

Сидевший на берегу спутник Ее Светлости услужливо протянул руку, помогая выбраться.

– Там были рыбки! Видел? – она отбросила прилипшую нить водорослей и села рядом. Шитый золотом подол насквозь промок, но ее это ничуть не беспокоило. – Настоящие рыбки! Живые! Не знала, что они бывают такие маленькие. Ты видел? Нет, ты видел? Меньше мизинца, правда-правда!

Оттопырив мизинец правой руки, она так затрясла им перед носом Гордея, что глаза его невольно сошлись на переносице.

– Во-о-т такие маленькие! Малюсенькие! Малюпусенькие-малюпу...

Внезапно замолчав, царевна прищурилась.

– Сиди тут, никуда не уходи! – приказала она и подскочив метнулась в заросли.

Ей всегда нравились ягоды.

Гордей с наслаждением расслабил непривыкшие к такой нагрузке лицевые мышцы. На смену маске счастливой влюбленности пришло выражение неизбывного страдания, к которому примешивалась уже немалая доля раздражения.

Она давно должна была устать и запроситься домой! Вчера они прошли путь, на который его план отводил два дня, но к вечеру Ее неугомонная Светлость скакала по тропинке с резвостью горной козы. В то время как он едва сдерживался, чтоб не схватиться за сердце.

Он весь чесался от комариных укусов, а она официально объявила войну надоедливому насекомому и радовалась числу поверженных врагов. Звонко припечатывая очередного комара, она называла его порядковый номер в списке безвозвратных потерь противника и оставила эту затею лишь на седьмом десятке. Сегодня она заявила, что легко простоит на одной ноге в воде не меньше четверти часа. Он уже не возражал. Просто плюхнулся на землю отдохнуть. Однако простояла она меньше минуты, потому как сначала увидела рыбок («малюпусеньких рыбок!»), а потом заинтересовалась чем-то в кустах. Она постоянно чем-то интересовалась. А еще – восхищалась, удивлялась и радовалась. И это злило его до крайности.

Над кустами теперь маячила лишь верхняя половина Ее несмолкающе-болтливой Светлости. Слов было не разобрать, но прежний восторженный тон угадывался безошибочно.

– Жим-м-мжись.

Гордей взял себя в руки. Губы его при этом растянулись в приветливой улыбке, а в глазах зажглись огоньки обожания. Приняв их, видимо, за голодный блеск, царевна, щеки которой были теперь измазаны розовато-лиловым соком, поспешила внести уточнение.

– Жимолость. Но тебе не хватит, – она удвоила скорость.

В ответ Гордей великодушно заверил девушку, что лесные закрома в ее полном и единоличном распоряжении. «Равно как мое сердце», – хотел привычно добавить он, но понял, что стандартное пожелание приятного аппетита сейчас более уместно.

Он с мукой посмотрел в небо. Солнце стояло высоко. Скоро они будут ночевать в пещере, пугающая атмосфера которой кого угодно приведет в надлежащее расположение духа. Но туда ещё нужно идти, а в лесу столько «изумительного».

Он с досадой вспомнил вчерашнюю ночь. Шалаш из веток, который он наспех соорудил на закате многотрудного дня, вышел до того убогим и кривым, что любой деревенский мальчишка, принужденный созерцать сей шедевр походной архитектуры, покатылся бы со смеху.

А вот царевна нашла его «миленьким», охотно забралась внутрь и моментально заснула на ложе из еловой хвои. Ухали совы, пищали, рычали и были невидимые в темноте, но наверняка опасные и страшные лесные звери. Она спала. А он всю ночь не мог сомкнуть глаз, впервые подумав, что, собственно, собирается делать, если в плечо ему среди ночи уткнется влажный волчий нос.

Синеока шла по улице, мысленно составляя список покупок. Нужна карта. И ботинки. Ещё фляжка. Мешок есть. Она уперлась взглядом в вывеску «Песочного замка». О, у них в обеденном зале карта висит. Можно зайти срисовать. И покупать не придется.

Тётушка Тревожа устало улыбнулась ей. Царила сутолока. Горничные шептались о князе и пропавшей царевне. Синеока подивилась гражданской сознательности горожан. В какой-нибудь Бобровке, к примеру, людям дела не было до царей и того, что с ними творится.

Она срисовала карту. Осталось зайти в «Дальний путь», но Рыночная площадь ближе. Она попробует найти недостающее там. А потом – в дорогу. Она разберется с тем, кто похитил царевну. Дракон он там или кто.

Надёжа обхватила руками колени. Зарешеченное окошко под самым потолком пропускало так мало света. Надёжа чувствовала себя... странно. Совсем недавно оказавшись в плену у Доли, она поняла, что спасения ждать неоткуда, и принялась искать выход. Мозг лихорадочно работал и в итоге нашел зацепку. Теперь же ее сковало оцепенение, которое никак не удавалось стряхнуть. Мысли то скакали с одного на другое, то замирали. И тогда воображение рисовало пугающие картины.

Где-то пискнула мышь. Надёжа подняла голову. Мышь поводила усами в воздухе, зыркнула глазками-бусинками и скрылась в углу.

«Мышь! Сюда проникла мышь! – заорал, очнувшись, внутренний голос. – У нее должна быть нора! А нора – это выход!»

Надёжа прошла в угол камеры. Она скользила рукой по влажным камням, пока не нащупала крохотное углубление внизу, возле пола, которое и было норой. Просунув пальцы, она попыталась расшатать соседние камни, но те держались крепко.

Звякнув цепью, она вернулась.

«Кроваво-красный дракон терзает после смерти тех, кто творит зло, – вспомнила она. – И мысль об этом должна подталкивать людей быть... добрыми? Что за чушь! Совесть терзает куда сильнее и главное – сразу, не откладывая до смерти».

Надёжа вспомнила, как три лета назад бежала к озеру купаться. В отличие от деревенских детей, им с Синеокой редко разрешали плавать в речке или озере. Мама боялась, что утонут. Мама много чего боялась. А потому эти купания были столь долгожданны и радостны. На лесной тропинке она заметила бельчонка со сломанной лапкой, должно быть, выпавшего из дупла. Она пожалела малыша, но... в другой день мама не отпустит на озеро или погода испортится и – прощай купанье. Она спрятала бельчонка в лопухах, решив на обратной дороге забрать и выходить. Но через пару часов в лопухах никого не было. Зато были лисьи следы вокруг.

Никто не осудил и уж тем более не наказал ее за тот случай. Никто и не знал.

Мать с сестрой лишь удивлялись, с чего вдруг она целыми корзинами стала тащить в дом хромых ежей, раненых птичек да зайцев, угодивших в капкан.

Мысли текли медленно, как замороженные.

«Творя добро под страхом наказания, ты действуешь не от чистого сердца, разве нет? – размышляла она. – Запугивать, чтобы сделать кого-то добрее, – что может быть нелепее? Как могут они не видеть, что доброта присуща людям изначально? «Представьте, что на руку вам села красивая, яркая бабочка», – она вскинула голову, представив, будто говорит с тем человеком с бумагами, что задавал вопросы на суде. – И я спрошу: «Вы бы ее убили?» Он не поймет,

к чему это, и отрицательно покачает головой. А я повторю: «Убить бабочку – такая мелочь. За это не отправят в пасть кроваво-красного дракона о семи или сколько там головах». Он нахмурит брови и, наверно, промолчит. Тогда я улыбнусь, торжествуя, и скажу: «Так почему вы не убьете ее, зная, что кары не последует? Не потому ли просто, что она красива и трепетна, а убивать ее нет ни желания, ни смысла? Доброта уже внутри нас, а всё, на что способны устрашения, – это заставить ее молчать... как это и произошло со всеми вами».

Она отрешенно улыбалась, невидящим взглядом уставившись в стену камеры.

«Да-да, это всё очень интересно! – снова вклинился нетерпеливый внутренний голос. – Но, может, ещё раз исследовать камеру? Поискать щели в кладке? Пошарить под лежанкой?»

Лязгнул засов. В окошко просунулась рука с миской супа.

– Меня, правда, сожгут? Почему именно костер? – пропищала Надёжа, удивляясь своему голосу: сама с собой она общалась тоном уверенным и твердым.

– Мы должны быть милосердны и избегать кровопролития. Так завещал отец-основатель.

– Но...

– Кровь, – пояснил невидимый собеседник, – на костре она запекается, а потом сгорает. Не проливается ни капли.

Решетка с шумом встала на место, оставив маленькую ведьму наедине с обедом и новыми сведениями.

Она заплакала.

Снаружи полил дождь, и в камере посвежело. Надёжа подошла к стене и задрала голову к окошку. На волосы упали капли. Она вспомнила вдруг, как совсем недавно сидела на кухне в доме бабушки Дива и уплетала пирожки. Там был князь... Рад таращился на него, как на героя древности, Див что-то ронял. Они болтали и смеялись, а за окнами лил такой же дождь. Воспоминания оказались неожиданно яркими, и не желали уходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.